

Отечественные записки

Реакция Кона

Игорь Кон. Бить или не бить? М.: Время, 2011. 448 с.

Кирилл Мартынов

Игорь Кон известен широкому читателю прежде всего как сексолог. Он был первым человеком в нашей стране, заговорившим на литературном русском языке о сексе — предмете, которого, как известно, в СССР не было вовсе (прежде эти темы могли обсуждаться или на медицинском жаргоне, или при помощи обсценной лексики). Однако вклад Кона в российскую интеллектуальную традицию намного весомей. Более того, сама сексология, по его собственному признанию, ученого никогда особенно не интересовала, поскольку он не видел в ней теоретической проблемы. У людей была потребность в знаниях по этому предмету — и вот Кон начал писать о сексуальности. Задача не научная, а исключительно просветительская.

В течение всей своей долгой карьеры Игорь Семенович выступал в качестве академического трикстера. Он отважно брал самые опасные темы и работал с ними всерьез. Именно поэтому у Кона помимо множества почитателей к концу жизни оказалась целая армия врагов. Это был сознательный выбор — идти по минному полю.

В начале пятидесятых годов прошлого века Кон в «Вопросах философии» доказывал ненадстрочность естественных наук, обильно цитируя Сталина^[1]. Одного этого скандального демарша было бы достаточно, чтобы сделать биографию для среднестатистического российского интеллектуала. Но, конечно, не для Кона. Сразу после торпедирования основного принципа марксистко-ленинского учения о

партийности науки он обратился к реанимации «буржуазной науки» социологии, выпустив первые тексты об истории дисциплины на русском языке[2]. Во время хрущевской оттепели Игорь Семенович занялся взрывоопасной этнопсихологией, опубликовав в «Новом мире» Твардовского статью, посвященную историческим причинам формирования антисемитизма[3]. После событий 1968 года Кон снова берется за острую тему — теперь он много пишет о молодежи и социально-возрастной динамике. В этот период в текстах, посвященных антропологии детства, он впервые в СССР говорит о социально-психологических проблемах взросления. В отличие от большинства советских исследователей, рассматривавших молодежную культуру только как форму девиантного поведения, Кон подчеркивал закономерность появления молодежной субкультуры, не похожей на общепринятую во взрослом обществе, выводя отсюда необходимость межпоколенческого диалога[4]. Попутно выяснилось, что советская наука принципиально игнорировала проблематику пола и гендера. Мальчиков и девочек в советской психологии вовсе не существовало, а были только абстрактные «дети».

Отсюда — следующий скандально-логичный ход Кона — он начинает заниматься научной сексологией[5]. В его представлении это междисциплинарная область знания, не сводимая к медицине и биологии, но широко опирающаяся на социологию, психологию, историю, даже лингвистику. Врагом советско-российского традиционалистского истеблишмента Кон становится, сделав несколько заявлений о необходимости декриминализации и демедикализации гомосексуализма. Религиозные фундаменталисты, которые в России в последнее время чувствуют себя все более уверенно, и сейчас пытаются свести все наследие ученого к пропаганде «педерастии и педофилии». Впрочем, даже в словах наиболее непримиримых ненавистников Игоря Семеновича чувствуется некоторое уважение, дань масштабу. Протоиерей Дмитрий Смирнов, например, уверен, что именно с Кона начались в России «Содом и Гоморра»[6]. Ни больше ни меньше. Игорь Семенович реагировал на подобные выпады с иронией и придумал понятие «сексуальной контрреволюции», изучение которой само по себе считал интереснейшей задачей для науки.

Кон работает без устали. В начале нулевых в центре его внимания — статус мужчины в эмансипированном мире, судьба мифов о маскулинности, упадок традиционных моделей мужского поведения[7]. В 2008 году он публикует исповедальную автобиографию «80 лет одиночества»[8].

Последняя книга Игоря Кона «Бить или не бить?», посвященная проблеме применения телесных наказаний как инструмента воспитания детей, вышла уже посмертно — он ушел из жизни весной 2011 года. В ней ученый вновь выходит на территорию, чрезвычайно политизированную и для широкого обсуждения полузапретную. Современные «открытые» общества утвердились в признании прав личности на свободу и самоопределение. Однако под личностью, гражданином, субъектом юридических практик подразумевается взрослый дееспособный человек. Как только речь заходит о субъектах, не вполне дееспособных, будь то старики, сумасшедшие или дети, возникают сложности.

Кто и как имеет право воспитывать детей? Совсем недавно ответ был однозначным — воспитатель и родитель, если не принимать во внимание случаи сиротства, были словами-синонимами. Безусловное право родителей и опекунов распоряжаться участью детей никем не оспаривалось. Сегодня в США и Европе, а российское государство старается не отставать от этих образцов, утвердился другой взгляд на вещи. Если родители ведут социально неприемлемый образ жизни, подвергают детей насилию, не дают им развиваться и учиться по стандартам, принятым в обществе, то государство обязано вмешаться. Такова аксиома ювенальной юстиции, наводящей ужас на родителей России, не облеченных чиновничьими полномочиями. Аксиома звучит разумно, но беда в том, что российское государство не является нейтральным и эффективным инструментом подобной интервенции. Оно заинтересовано в том, чтобы из детей вырастали «трудовые ресурсы», солдаты и налогоплательщики, принимающие его легитимность как естественную данность. Хуже того, государство, рассматривая каждого родителя в качестве потенциального педофила и садиста, фактически объявляет всех детей, проживающих на его территории, своей собственностью. Именно «компетентным органам» государства принадлежит верховное право распоряжаться судьбой несовершеннолетнего гражданина страны.

Когда Кон ставит вопрос о допустимости телесных наказаний для детей, он затрагивает ключевые сюжеты современных дискуссий, связанных с властью, индивидуальной свободой, границами государственных полномочий и статусом семьи. Знаменитое определение государства, предложенное Максом Вебером, закрепляло за этим институтом монопольное право на легитимное насилие. Проблема воспитания ребенка в условиях современного государства конкретизирует этот вопрос: кто имеет право на реализацию биополитики[9], на применение насилия в отношении лиц, юридически недееспособных, нуждающихся в опекуне, наделенных лишь биологическим телом? Кон помимо главной темы — допустимо ли наказывать детей — касается также и вопроса, кто должен нести ответственность за принятие подобного решения. И потому работа Кона относится к каждому из нас. Даже если у вас лично никогда и в мыслях не было наказывать своего ребенка.

Текст последней книги Кона поражает своей фундаментальностью, граничащей с монструозностью. Чтобы ответить на вопрос, вынесенный в заголовок работы, автору потребовалось свести воедино весь комплекс знаний об исторической социологии, антропологии, криминологии и психологии наказаний. Отправной точкой для него служит анализ динамики европейской системы уголовных наказаний, предложенный Фуко[10]. На этом фундаменте строится типология теорий детского развития и взросления, в которых телесные наказания рассматриваются либо как необходимая составляющая процесса, либо, напротив, как препятствие для становления гармоничной личности.

Центральная часть книги, со второй по четвертую главу, представляет собой масштабное историко-компаративистское исследование, цель которого состоит в демонстрации того, как отношение к телесным наказаниям детей менялось в разных странах Европы, а также в дореволюционной России и СССР. Пионером запрета телесных наказаний не только в школе, но и в семье становится во второй половине XX

века Швеция, опыт которой демонстрирует положительные социально-психологические эффекты такого шага. Впрочем, декларативные запреты сами по себе ничего не решают. Нужна работа по разъяснению смысла отказа от практики наказаний, кроме того, общество должно вырабатывать новые ответы на комплекс педагогических проблем, которые прежде купировались поркой детей.

Отечественный социум остается в этом плане чрезвычайно архаичным. Россияне до сих пор не определились, как им воспитывать своих детей. В соответствии с Конвенцией ООН о правах ребенка (1989, СССР присоединился к ней в 1990-м) все государства-участники обязывались обеспечивать условия, при которых «ни один ребенок не был подвергнут пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания». Вместе с тем взрослые в нашей стране весьма толерантно относятся к телесным наказаниям детей. Чтобы сдвинуться с мертвой точки, нужна системная работа государства и общественных организаций, чем мы похвастаться не можем. Последняя систематическая отечественная кампания за отмену телесных наказаний детей проводилась советскими властями в эпоху индустриализации и коллективизации.

Теоретический вывод Кона состоит в том, что наказание детей воспринимается и переживается участниками процесса контекстуально, это культурно детерминированная практика. В патриархальных культурах телесные наказания детей рассматриваются как нечто естественное и препятствием к развитию личности не являются. В качестве примера Кон берет английское общество XVII века, с изучения которого еще в студенческие годы начиналась его научная карьера. В Англии вплоть до середины XX столетия телесные наказания были нормальной практикой как в семье, так и в школе, что вовсе не мешало формированию благородных джентльменов, ученых и государственных деятелей, хотя в детстве их нещадно пороли — всех до одного. И наоборот, в современном обществе телесные наказания могут стать огромной психологической травмой для ребенка, который узнает, что других мальчиков и девочек в его школьном классе родители не наказывают. То есть последствия телесных наказаний зависят от общества, в котором мы живем.

В выборе между современным и архаичным обществом позиция Кона очевидна — он гуманист и прогрессор. По Кону лучше жить в свободном обществе, где каждый сам решает, какой образ существования ему выбирать. Но ставка на свободу означает, что мы принимаем на себя также и ответственность за свои поступки. И если вы наказываете своего ребенка, то это совсем не потому, что так принято в обществе. Это ваш личный выбор, связанный либо с тем, что вы просто получаете удовольствие от безнаказанного насилия и демонстрации своей власти, либо же испытываете страх перед собственным ребенком, чувствуете свою слабость, а отношения между вами сопряжены с дефицитом внимания и любви. Наказывая ребенка, будьте готовы принять на себя ответственность за последствия этого выбора. Будьте готовы к ненависти, презрению и отчуждению с его стороны. Такова практическая мораль историко-теоретической работы Кона.

Как и в случае с сексологией, телесные наказания интересуют Кона вовсе не из-за

теоретической сложности проблемы, но по долгу Просвещения. Трудно понять, как ученый представлял аудиторию своего последнего труда. Родители, которые нуждаются в совете специалиста? Но зачем им многостраничные экскурсии Кона в историю или сексологию-сексопатологию? Ученые-психологи? Педагоги? Для них теоретического вопроса о необходимости наказаний давно не существует, поскольку ответ на него известен — это однозначное «нет». Похоже, что у добротного сработанного текста Кона существует две основные категории читателей. Во-первых, это интеллектуалы, которые найдут здесь исторические и концептуальные аргументы для дискуссии о ювенальной юстиции и биополитике. А во-вторых, религиозные фундаменталисты, для которых последняя книга Кона — повод для обличительных проповедей.

Парадокс Кона заключается в том, что простые и ясные вещи, которые он доказывал в течение своей жизни своими фундаментальными и легко читаемыми книгами — что детей нельзя бить, что не нужно лезть в спальню к соседу, не нужно мешать любящим друг друга вступать в законный брак, что в меняющемся мире меняются и представления о правильных моделях гендерного и сексуального поведения, — наталкиваются на мощнейшую негативную реакцию общества. О Коне написаны десятки памфлетов, разоблачающих ученого как врага России. Но похоже, что в действительности он выступал лишь в качестве врага тех российских бед, которые мы привыкли обходить молчанием.

---

[1] Кон И. С. Наука как форма общественного сознания // Вопросы философии. 1951. № 1.

[2] Кон И. С. Позитивизм в социологии: исторический очерк. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1964.

[3] Кон И. С. Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предубеждений // Новый мир. 1966. № 5.

[4] Кон И. С. Психология юношеского возраста. М.: Просвещение, 1979.

[5] Кон И. С. Введение в сексологию. М.: Медицина, 1988.

[6] См. выступление на [Youtube.com](http://youtu.be/wtveX5NsyFI) <http://youtu.be/wtveX5NsyFI>

[7] Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.

[8] Кон И. С. 80 лет одиночества. М.: Время, 2008.

[9] О биополитике см., в частности, работу Дж. Агамбена «Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь». М.: Европа, 2011.

[10] См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2005. Характерно, что практики ювенальной юстиции, складывающиеся сегодня в западном мире, вполне укладываются в анализ, предложенный Фуко. Так, деспот-родитель выступал в роли «старого режима», признающего очистительную роль казни-

наказания. Государство, вводящее запрет на деспотизм в семье, делает это под страхом современного и «гуманного» наказания — тюрьмы или изоляции. Показательно, что успешная защита ребенка государственными органами предполагает изоляцию не только родителя-преступника, но и жертвы — ее отправляют в детский дом, закрытое заведение с внутренними правилами, охраняемым периметром и «сроком отбывания» вплоть до совершеннолетия.